

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

УДК 330.101 + 330. 837

Н.И. Гульбина**К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ОСНОВНЫХ ТЕЧЕНИЙ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ**

В статье рассматривается эволюция институциональной экономической теории от «старого» к «новому» институционализму. Делается попытка выяснить причины широкого распространения «новой» институциональной экономической теории и оценить различные точки зрения по проблеме классификации ее основных течений.

Ключевые слова: «старый» и «новый» институционализм, причины распространения «нового» институционализма, классификация основных течений.

Присуждение Нобелевской премии по экономике в 2009 г. еще двум представителям новой институциональной экономической теории – Оливеру Уильямсону и Элинор Остром, вызвавшее удивление, явившееся для многих «сюрпризом», не стало неожиданностью для тех исследователей, которые следят за новыми тенденциями в экономической науке. Оно, безусловно, порадовало тех ученых, которые либо считают себя институционалистами, либо изучают эволюцию институциональной экономической теории. Именно О. Уильямсон в 1975 г. в книге «Рынки и иерархии. Анализ и выводы для антимонопольного регулирования» заявил о формировании новой институциональной экономической теории. С этого момента появился термин «старая институциональная теория», или «старый институционализм», для обозначения возникшего на рубеже XIX – XX столетий течения оппозиционно неоклассической ортодоксальной экономической теории. Ранее это течение называли американским институционализмом (поскольку у его истоков стояли американские авторы – Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл, Дж. М. Кларк), ранним институционализмом, социально-институциональным направлением. Термин «институциональная экономическая теория», как считает Дж. Ходжссон, был впервые употреблен В. Гамильтоном на собрании Американской экономической ассоциации в 1918 г.

Институционализм возник как реакция на упрощение экономической реальности в рамках неоклассической теории. Представители этого течения в XX в., поставив в центр внимания анализ институтов, выделили на исследование серьезных проблем, не укладывающихся в формализованную экономическую теорию. Это проблемы экономических организаций и корпоративного управления, экономической власти, социального контроля над экономикой, смешанной экономики, доминирующей экономики. Преобладающим методом исследования являлся эмпирический и сравнительный анализ. Отсюда отрицательное отношение к моделированию, упрощению экономической действительности с помощью математической и графической формали-

зации анализа. По мнению основоположника «старого» институционализма Т. Веблена, неоклассики подменили реальную жизнь формулой, но она настолько сложна и противоречива, что зачастую не укладывается в узкие рамки математических моделей. Представители «старого» институционализма отрицательно относились и к модели рационального экономического субъекта. Индивид рассматривался ими в качестве человека социального, члена определенной социальной общности, принимающего ее ценностные установки и нормы поведения.

Пик популярности «старой» институциональной теории пришелся на 30-е гг. прошлого века. Интерес к работам последователей Т. Веблена возродился в 60-х гг., когда в центре экономической теории оказались проблемы институциональных изменений, происходящих в обществе под влиянием научно-технической революции, в частности возникновение и широкое распространение новых организационных форм бизнеса. В дальнейшем влияние «старого» институционализма значительно ослабевает, а в конце 70-х гг. он утрачивает свои позиции.

Критикуя неоклассическую теорию за математизацию и формализм, представители традиционной институциональной теории, во-первых, не смогли предложить стройной теоретической системы взглядов. Основные недостатки «старого» институционализма состояли в использовании нечетких и неопределенных терминов, смысл которых постоянно менялся в ходе рассуждений, отсутствии строгости в анализе. Преобладающим методом исследования являлся эмпиризм, приводящий к «рассказыванию историй». Вот как об основных недостатках «литературных» теорий рассуждает французский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике М. Алле: «Общий недостаток очень большого числа литературных теорий состоит в постоянном использовании неоперационных понятий, нечетких и неопределенных терминов, смысл которых постоянно меняется в ходе рассуждений и различается у разных авторов. Их недостаток – это также отсутствие строгости в анализе, обильное использование более или менее метафизических выражений, которые не обозначают ничего точного...» [1. С. 13]. По мнению А. Нестеренко, несмотря на то, то многие институционалисты «...занимались глубокими вопросами экономической теории (Т. Веблен, Дж. К. Гэлбрейт, К. Эйрес), но все же не смогли создать цельную доктрину с позитивными выводами из-за отсутствия четкой системы исходящих принципиальных предпосылок» [2. С. 11].

Во-вторых, критикуя неоклассическую теорию, «старые» институционалисты не оценили ее возможностей в создании теоретических моделей как средства систематизации и использования эмпирических данных. Неоклассическая теория оказалась системой, способной расширяться на собственной основе, системой, обладающей высокой «эластичностью и поглотительной способностью» (по выражению Р. Нельсона и С. Уинтера). В обозначенный период широкое распространение получают теории, концентрирующие внимание на проблеме институтов и институциональных изменений, использующих методы неоклассического анализа, аппарат теории игр для моделирования взаимоотношений между индивидуумами в рамках определенных

организационных структур. Но процесс формирования направления, обозначенного О. Уильямсоном как новая институциональная экономическая теория, оказался довольно длительным.

Первый шаг был сделан Рональдом Коузом в 1937 г. в статье «Природа фирмы». В ней Р. Коуз предложил оригинальную теорию фирмы, в которой увязывались такие понятия, как фирма, трансакционные издержки, права собственности. Р. Коуз выразил стремление многих экономистов создать общую теорию, которая была бы не только строгой, но и реалистичной, т.е. отражающей сложность хозяйственной системы. В связи с этим, оставаясь неоклассиком, Р. Коуз поставил под сомнение аксиому о рациональном поведении человека и критически отнесся к чрезмерной математизации в рамках неоклассического направления. «Созданный экономической теорией субъект, рационально стремящийся к получению наибольшей полезности, ничем не напоминает реального человека», – писал Р. Коуз. Кроме того, заметил он, в неоклассической теории «обмен происходит вне каких-либо институциональных рамок». Более чем 60 лет спустя, в 1999 г., в послании ежегодной конференции, проводимой Международным обществом новой институциональной экономической теории, Р. Коуз вновь обратил внимание на этот серьезный недостаток основного течения. По его мнению, «экономическая теория год от года становилась все более абстрактной и уходящей от реальной жизни» [3]. Именно поэтому Р. Коуз называл неоклассическую теорию «экономикой классной доски». Академическое признание Р. Коузу принесла его статья «Природа социальных издержек», вышедшая в свет в 1960 г. Р. Коуз, родившийся в Англии, переехал в США в 1951 г. В 1960 г. он являлся профессором Вирджинского университета, а с 1964-го – Чикагского. Категория трансакционных издержек, введенная Р. Коузом в 30-х гг. получила широкое признание лишь в 70-х гг. после выступления Коуза с докладом на ученом совете Чикагского университета. А статья Р. Коуза становится одной из самых цитируемых работ, опубликованных в послевоенный период. В 1966–70-х гг. на нее давалось 80 ссылок, в 1971–75-х – 286, в 1978–80-х гг. – 331 ссылка [4. С. 21].

В 1991 г. Р. Коуз был удостоен Нобелевской премии по экономике «за открытие и прояснение значения издержек трансакций и прав собственности для институциональной структуры и функционирования экономики».

В 70–80-х гг. многие экономисты не осознавали, что произошло формирование нового направления экономической теории. В 1986 г. заявление Р. Меттьюса о том, что институциональная экономика становится одной из самых оживленных областей экономической теории, было для многих неожиданностью, по выражению О. Уильямсона, «сюрпризом». В 90-е гг., по общему признанию исследователей, новая институциональная экономическая теория становится одной из самых оживленных и перспективных областей экономической науки. На этот факт обратил внимание экономистов О. Уильямсон в своем выступлении на ежегодной конференции Мирового общества новой институциональной экономической теории.

Возникает вопрос: почему это произошло? Почему все больше и больше исследователей стали использовать аппарат новой институциональной тео-

рии для объяснения многих экономических явлений? На наш взгляд, в конце XX столетия стало ясно, что современная экономика, как постиндустриальная, так и трансформируемая, сложнее, многообразнее и противоречивее формализованной и математизированной схемы, лежащей в основе ортодоксальной теории. На явную тенденцию к формализации указывали многие экономисты, в том числе и неоклассики. В 30-х гг. на это обстоятельство обратила внимание Дж. Робинсон, заявившая, что «относительно выбора предпосылок экономической теории следует задать два вопроса: можно ли с ними работать? И соответствуют ли они реальному миру?» Р. Коуз в своей статье, сославшись на замечание Дж. Робинсон, упрекнул неоклассиков в нереалистичности принятых ими предпосылок. Уже тогда многим исследователям стало ясно, что модель рынка, в основе которой лежит набор предпосылок, удобных для функционального анализа, формализации, но явно нереалистичных, может вызвать серьезный кризис в науке и уменьшить ее прогностические возможности.

Первый кризис в экономической теории способствовал пересмотру «собственных оснований» теории, появлению исследований по проблемам несовершенной конкуренции, внешних эффектов, общественного благосостояния. Кроме того, он привел к формированию альтернативных теорий, занимающихся анализом влияния институтов на экономическую деятельность. Помимо представителей «старого» институционализма, понятие институтов в той или иной интерпретации использовалось ордолибералами и Ф. Хайеком. Но в первой половине XX в. и в послевоенный период эти теории оставались альтернативными. Тенденция к формализации возобладала. Усиливается математизация и связанная с ней аксиоматизация и формализация анализа. Происходит привлечение все новых и новых разделов математики для анализа экономических явлений. Создается искусственная среда для анализа экономических проблем при помощи гипотезы совершенной конкуренции, идет распространение экономического подхода на все сферы деятельности человека (экономический империализм).

Мейнстрим, или основное течение экономической теории, принявший модели рационального субъекта, направленного на максимизацию целевой функции полезности и равновесной экономики, являлся к концу XX в. абстрактной и формализованной системой, представленной преимущественно неоклассическим течением. В основе неоклассической модели рынка как «полностью вымышленного мира», придуманного экономистами» (Р. Лукас), лежит ряд аксиом, представляющих, в терминологии Лакатоса, «твердое ядро» теории. Среди них аксиома о рациональном поведении экономических субъектов, аксиома о неизменности и стабильности их предпочтений и их независимости от влияния других, аксиома о пребывании экономической системы в состоянии равновесия. Кроме того, в равновесной модели или модели совершенного рынка, как часто ее обозначают, игнорируется несовершенство информации, трудности, связанные с ее получением, не принимаются в расчет трансакционные издержки, не изучаются проблемы экономических организаций, в качестве абсолютной предпосылки рыночного обмена рассматривается частная собственность.

Во второй половине XX в. критика неоклассической модели, начатая «старыми» институционалистами, Ф. Хайеками, Р. Коузом, была продолжена представителями альтернативных теорий. О явной тенденции к формализации экономической теории писал Р. Хейлбронер. Формализм, замечал американский экономист, — основная особенность неоклассики, выражается в отсутствии интереса к тенденциям развития экономической системы. «На современном этапе экономический анализ теряет... даже эту слабую связь с историческим процессом» [5. С. 11]. Французский экономист, один из создателей теории регуляции, Р. Буайе писал: «Стандартная экономическая теория явно относится к различным общественным институтам так же, как отнесся бы к ним ученый Косинус, вздумай он применить свой талант к реальной общественной жизни: все эти институты лишь отдаляют реальный мир от мира чистой теории» [6. С. 36]. Т. Хатчисон указывал на чрезвычайно высокий уровень абстрактности ортодоксальной теории. По его мнению, для того, чтобы исправить недостатки неоклассики, необходимо уменьшить уровень абстрагирования в следующих областях, а именно снизить абстрагирование от неопределенности, невежества и ошибочных ожиданий, а также от правовой и институциональной структуры [7. Р. 42]. На чрезмерную математизацию теории обращал внимание В. Леонтьев. Другой лауреат Нобелевской премии французский экономист М. Алле писал о «математическом шарлатанстве» и «дикой эконометрике». В наши дни многие французские экономисты (М. Англиетта, Ф. Лордон, Б. Полре) подчеркивают, что математическая виртуозность не дает удовлетворительного ответа на сложные социальные вопросы. Их точку зрения разделяет лауреат Нобелевской премии по экономике за 2008 г. американский экономист Пол Кругман. Рассуждая о причинах мирового кризиса, он пишет: «Как мне представляется, экономика сбилась с пути, потому что экономисты в массе своей ошибочно приняли за правду красоту, облицованную убедительно выглядящими математическими выкладками» [8].

Многие исследователи подчеркивали, что модель экономики, опирающаяся на набор упрощенных исходных предпосылок, мало помогает осмыслению окружающего мира, она подталкивает к изучению одних проблем, оставляя другие за чертой анализа. Хотя мнения относительно того, каковы же основные недостатки неоклассической теории, высказываются самые разные. Так, американский экономист Р. Швери указывает на два недостатка — пренебрежение трансакционными издержками и издержками получения информации, в то время как французский экономист Ж. Лезурн насчитывает 18 явных и неявных предпосылок, на которых строится ортодоксальная экономическая теория.

Вместе с тем становились все более очевидными изменения, происходящие в экономической теории. Так, Р. Хейлбронер в своей статье замечал, что «...существуют такие аспекты формального анализа, которые имеют прямое отношение к пониманию институциональных структур. В этой связи можно вспомнить обширную литературу, посвященную правам собственности и трансакционным издержкам» [5. С. 11]. Действительно, в 60–70-х гг. в работах многочисленных последователей Р. Коуза (А. Алчян, Дж. Уоллис,

О. Уильямсон, С. Пейович, Х. Демсец, Э. Фуруботн) в центре внимания оказались проблемы, оставшиеся за чертой анализа в неоклассической модели рынка. Это проблемы трансакционных издержек, прав собственности, контрактных отношений, оппортунистического поведения. Вслед за Коузом уточнялась основная аксиома неоклассики – аксиома о рациональном поведении человека (сформировалась концепция ограниченной рациональности). Первоначально такого рода исследования называли трансакционной экономикой, теорией прав собственности, теорией экономических организаций или контрактной экономикой. В 80-х гг. большинство экономистов стали говорить о неинституциональной экономической теории или о новой институциональной экономической теории.

В основе этой теории, по признанию большинства ученых, лежат два постулата. Во-первых, это признание значимости фактора институциональной среды в экономическом анализе (в буквальном переводе «институты имеют значение») и, во-вторых, институты поддаются исследованию с помощью стандартных инструментов неоклассического анализа. Пытаясь преодолеть такие недостатки «старого» институционализма, как описательный подход, нечеткость, неопределенность терминологии, новые институционалисты стали создавать структурированную, формализованную теорию, опирающуюся на небольшое число исходных предпосылок, но изучающую те проблемы, которые не укладывались в прокрустово ложе неоклассической теории. В 80-х гг. в рамках нового течения четко обозначились три направления исследований:

1. Анализ влияния институциональной среды на поведение экономических агентов. Институты, влияющие на процесс принятия политических решений, изучает теория общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон, У. Нисканен). Дж. Бьюкенен уже в 1986 г. получил Нобелевскую премию по экономике. Институты, действующие в частной сфере, стали основным предметом анализа в экономической теории прав собственности (Р. Коуз, А. Алчян, С. Пейович, Э. Фуруботн).

2. Анализ контрактных отношений и экономических организаций как сети контрактов явных и неявных (О. Уильямсон, С. Чен, О. Харт).

3. Анализ институциональных изменений (институциональной эволюции). Бесспорным лидером этого течения является Дуглас Норт. Имя 72-летнего профессора Вашингтонского университета американского штата Сент-Луис Д. Норта среди лауреатов Нобелевской премии по экономике в свое время удивило многих не меньше, чем награждение этой премией О. Уильямсона в наши дни. Но в сообщении Шведской королевской академии он был назван одним из пионеров новой институциональной экономической теории. Трансформационные изменения в странах Восточной Европы, сложная экономическая ситуация в развитых странах сделали актуальной проблему институциональных изменений. Именно Д. Норт пришел к выводу о необходимости создания динамической теории изменений. По мнению Норта: «Понимание того, как функционирует экономическая система, требует учета очень сложных, запутанных взаимосвязей между обществом и экономикой. Поэтому перед нами стоит задача – разработать подлинную науку –

политическую экономию» [9. С. 143]. Французский исследователь К. Менар, пытаясь определить предмет институциональной теории, пишет: «Фундаментальная характеристика такого подхода состоит в том, что он стремится анализировать и соединить между собой институциональную среду, трактуемую как совокупность правил игры, ограничивающих поле возможных действий для экономических агентов, и институциональные соглашения». Р. Коуз во вступительной речи к ежегодной конференции Мирового сообщества новой институциональной экономической теории 17 сентября 1999 г. так обозначил предмет исследований: «Адам Смит объяснил, что продуктивность экономической системы зависит от специализации (он назвал это разделением труда), но специализация возможна только тогда, когда существует обмен и этот обмен зависит от издержек обмена (транзакционных издержек, как они стали называться). Но издержки обмена зависят от институтов, которые существуют в стране: от системы права (права на собственность), политической системы, системы образования и культуры. Эти институты управляют экономической системой и представляют интерес для экономистов. Вот почему неoinституционализм так важен» [3. Р. 5]. Вместе с тем следует обратить внимание на трудности, связанные со строгой структуризацией нового направления в экономической теории.

В экономической литературе существуют различные подходы к классификации различных течений в современной институциональной теории. Такие ее представители, как Р. Коуз, О. Уильямсон, Т. Эггертссон, считают его самостоятельным теоретическим направлением, альтернативным неоклассическому. С ними солидарен У. Нисканен, полагающий, что неoinституциональную теорию можно рассматривать как «мягкую альтернативу» неоклассике. Другие рассматривают неoinституциональную теорию как один из модификаций неоклассической исследовательской программы. К такому выводу пришли Э. Фуруботн и Р. Рихтер, обратившие внимание на то, что почти все представители «нового» институционализма опираются на следующие принципы исследования: 1) методологический индивидуализм; 2) максимизация полезности; 3) ограниченная рациональность экономических агентов и 4) их оппортунистическое поведение [10].

Нет единства мнений по этому вопросу и среди российских исследователей и представителей нового институционализма. Один из ведущих его исследователей, опубликовавший в 1990 г. книгу «Экономическая теория прав собственности», Р. Капелюшников рассматривает неoinституционализм как «законную часть основного корпуса (mainstream) современной экономической науки. А. Нестеренко также подчеркивал, что неoinституциональная теория вырастает на основе неоклассики и, следовательно, в рамках «мэйнстрима». В.Л. Тамбовцев, отмечает, что корни новой институциональной теории уходят в неоклассическую традицию. С ними согласен и О. Ананьин, замечая, что неoinституциональная теория базируется на предпосылках неоклассической теории и, прежде всего, на методологическом индивидуализме. По мнению В.В. Вольчика, «возникнув, как и традиционный институционализм, как критика неоклассической ортодоксии, неoinституционализм со временем сам стал фактически частью неоклассики» [11]. По мнению

В.С. Автономова, новый институционализм, изучающий институциональную структуру общества с помощью методов неоклассической теории, занимает в структуре современной экономической теории промежуточное место. Он считает, что наметилась тенденция к активному переводу содержания альтернативных теорий на неоклассический язык. Следует обратить внимание на позицию А. Радыгина и Р. Энтова, которые пишут об экспансии неоклассических моделей, проявляющейся «в частности, в постепенном охвате того «глубинного»... уровня, на котором располагаются базовые институциональные структуры. Границы между обычными объектами исследования представителями мейнстрима и традиционной тематики институционалистских работ оказываются все более размытыми» [12. С. 6].

Вместе с тем многие отечественные исследователи вслед за исландским экономистом Т. Эггертссоном проводят различие между неоинституциональной и новой институциональной теорией. В основе такого различия, по Эггертссону, лежит глубина модификации неоклассической теории (речь идет о том, затрагивают ли изменения жесткое ядро теории или же они вносятся лишь в ее защитную оболочку). В таком случае, считают А.Е. Шаститко и А.Н. Олейник, авторы первых учебных пособий по институциональной экономике, неоинституциональная теория является продолжением неоклассики. В трактовке А. Олейника неоинституциональная теория – это обновленный вариант экономического империализма, применяющий аппарат неоклассической теории для анализа институтов. В то время как новая институциональная экономическая теория предполагает изменение поведенческой модели, т.е. жесткого ядра теории. Отсюда следует, что неоинституциональная теория развивается в рамках мейнстрима, тогда как новая институциональная теория выходит за его рамки. С такой трактовкой согласен Р. Нуреев, предложивший классификацию современных институциональных концепций, в которой выделяются неоинституциональная экономика и новая институциональная экономика [13. С. 126].

Оригинальную классификацию в одной из своих работ предложила Г.П. Литвинцева. Она считает, что в рамках новой институциональной теории можно выделять умеренную институциональную экономику и ортодоксальную институциональную экономику, находя различия между ними в методологических подходах, в трактовке поведения, эффективности правил и т.п. Ортодоксальная теория связывается автором с именами Г. Демсеца, Р. Коуза, О. Уильямсона, а умеренная – с именами Д. Норта и Т. Эггертссона [14. С. 8].

Тем самым Г.П. Литвинцева, как и большинство зарубежных и отечественных исследователей, обращает внимание на дифференциацию, происходящую в рамках новой институциональной теории и усиливающуюся по мере ее развития. Значительная часть работ неоинституционалистов дополняет и даже усиливает неоклассическую теорию, обращая внимание на ряд проблем, не изучаемых неоклассиками. В центре внимания оказывается организация, рассматриваемая как сеть контрактных отношений, для изучения которых используется новый понятийный аппарат – контракты, трансакционные издержки, специфические и интерспецифические активы, оппортунистическое

поведение. В такого рода исследованиях преобладает тенденция использования формальных методов для анализа различных форм контрактных отношений. Тогда как в работах Т. Эггертссона, Д. Норта, Э. Фуруботна выдвигается проблема закономерностей формирования стереотипов поведения, целевых установок, привычек индивидов и в конечном счете происходит отказ от крайностей методологического индивидуализма. Эти теории имеют по преимуществу описательный, вербальный характер.

Швейцарский экономист Б. Фрей замечает, что отличительной чертой институционального подхода является комбинация институтов, человеческого поведения и сравнение реалистических альтернатив. Данная теория использует «твердый анализ без переполнения математикой... и сильно эмпирически ориентирована». Это замечание можно отнести и к тем разделам современного институционализма, которые отвергают методы равновесного анализа и используют эволюционно-социологические подходы, обнаруживая определенное сближение с концепциями «старых» институционалистов. Речь идет о французской экономике соглашений и эволюционном институционализме. Н.А. Макашева считает, что новое направление можно назвать институционально-эволюционным, поскольку оно объединяет «новый» институционализм, теорию трансформации, эволюционную экономику, конституционную экономику, теорию коллективных действий. В рамках этих теорий намечается отказ от принципа методологического индивидуализма. Более того, заметим, что представители обозначенных течений пытаются найти компромисс между методологическими принципами, лежащими в основе традиционного институционализма и новой институциональной экономической теории.

Трудности, связанные со строгой структуризацией неoinституциональной теории, проявляющиеся в существовании разных подходов к классификации его различных течений, трактовке его связи со «старым» институционализмом, неоклассикой и даже в неоднозначном его названии, вполне объяснимы. И все же следует признать, что, несмотря на то, выделяем ли мы неoinституционализм и «новый» институционализм, обращая внимание на глубину модификации твердого ядра неоклассической теории, новая институциональная экономическая теория существенно обогащает основное течение экономической теории. В ней не только изменяются поведенческие предпосылки и институты рассматриваются в качестве эндогенных факторов экономического развития, но и применяется междисциплинарный подход, позволяющий включать в анализ достижения права, социологии, эволюционной теории.

Литература

1. Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS. 1994. Т. 2, вып. 4.
2. Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности // Вопросы экономики. 2001. №7.
3. Coase R. The task of the society // New letter. Fall. 1999. Vol. 2, № 2. P. 1–6.
4. Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности. М., 1990.
5. Хейлбронер Р. Научный анализ и видение в истории современной экономической мысли // Вопросы экономики. 1993. № 3.

6. Буайе Р. Теория регуляции (Критический анализ). М.: Научно-издательский центр «Наука для общества», 1997.
7. Hutchison T.W. Institutional Economics Old and New // The New Institutional Economics / Introduced and edited by E. G. Furuboth and R. Richter. Texas A& M University Press, College Station. 1991.
8. Krugman P. How Did Economist Get It So Wrong? // The New York Times. 2009. September 2.
9. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. М., 1997.
10. Furuboth E.G., Richter R. The New Institutional Economics: An Assessment // The New Institutional Economics/Introduced and edited by E.G. Furuboth and R. Rixter. Texas A& M University Press, College Station, 1991.
11. Вольчик В.В. Курс лекций по институциональной экономике. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2000.
12. Радыгин А., Энгов П. В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX–XXI вв.) // Вопросы экономики. 2008. № 8.
13. Нуреев Р. Институционализм: прошлое, настоящее, будущее (вместо предисловия к учебнику «Институциональная экономика») // Вопросы экономики. 1999. №1.
14. Литвинцева Г.П. Предмет, метод и базовые категории институциональной экономики: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2000.